

"ГЕРО И ЛЕАНДР"

Спой о светильнике, Муза, свидетеле тайных свиданий,
 И о бесстрашном пловце, спешившем по морю ночному
 К тайному браку — его не зрела бессмертная Эос,
 Об Абидосе и Сесте,^[1] где брак Геро совершился.
 Слышу, Леандр плывет, и светильник трещит, разгораясь,
 Тот, что один возвещал во мраке о власти Киприды
 И лишь один озарял полночную свадьбу влюбленных.
 Символом был их любви он. И должен владыка эфира ^[2]
 Был бы за подвиг ночной его сопричислить к созвездьям,
 Новой звездой назвав, помощницей тайного брака.
 Только светильник тот знал терзанья и муки несчастных,
 Он подавал им всегда и весть об их брачном свиданьи,
 Прежде, чем ветер враждебный дыханьем его не коснулся.
 Муза, мне спеть помоги, как бурная ночь погасила
 Светоча яркий огонь и жизнь молодую Леандра.

Сест с Абидосом лежат — один напротив другого —
 Оба у берега моря. Эрот же, свой лук натянувши,
 В каждый из тех городов послав по стреле заостренной,
 Деву и юношу ранил. По имени их называли:
 Милым Леандром — его, а Геро — прекрасную деву.
 Сест ее родиной был, Леандр обитал в Абидосе;
 Звезды прекрасные, были они городов украшеньем.
 Друг на друга похожи. И если в тот край ты отправишь
 Путь свой, тогда поищи ты башню около Сеста,
 Где зажигала Геро по ночам путеводный светильник,
 Или взгляни: на пролив, где волны у стен Абидоса
 Плачут еще до сих пор о любви и о смерти Леандра.
 Как же случилось, что он, в Абидосе живя, а не в Сесте,
 Страстью к Геро воспылал и зажег ее страстью взаимной?
 Девой прекрасной была, по крови из рода бессмертных
 Жрица Киприды Геро; она, не ведая брака,
 В башне предков старинной жила у самого моря;
 Новой Кипридой казалась она; скромна и стыдлива,
 Даже среди женщин подруг себе никогда не искала.
 Не принимала она в хороводах веселых участия
 В страхе навлечь на себя насмешку завистливых женщин;
 Ведь красота, как известно, внушает женщинам зависть
 Но постоянно она обращалась с мольбой к Киферее;
 Часто она и Эрота с Кипридой небесной молила,
 Жертвы неся им, недаром боясь огневого колчана;
 Но не смогла избежать она его стрел огненосных.

День, посвященный Киприде, настал; торжеством всенародным
 В Сесте оправляли его, Адониса чтя с Кифереей;
 И поспешили туда на праздник нарядной толпою
 Жители всех островов, что морской омываются пеной,
 Все, кто в горах Гемонийских живет и на Кипре далеко,
 И в поселеньях Киферы из женщин никто не остался,
 Некому было вести хоровод на душистом Ливане;

Также на праздник явились и те, что поблизости жили:
 И обитатель фригийских краев, и сосед абидосец.
 Много тут юношей было, любителей прелести женской,
 Вечно влечет их туда, где о празднестве речи услышат;
 И не спешат они так бессмертных почтить приношением,
 Как принести свое сердце красавицам-девушкам в жертву.
 В храм, посвященный Киприде, Геро, его жрица, вступила,
 Юной и чистой сияла она красотой так дивно,
 Как при восходе луна серебристая в мраке вечернем.
 Яркий румянец играл у нее на щеках белоснежных,
 Были подобны они двум розам в бутонах, и с лугом
 Роз ароматных, пожалуй, ты мог бы сравнить ее тело,
 Так оно светлой красою блистало — подобные розам
 Нежные ноги ее под белым хитоном мелькали.
 Легкой толпою, казалось, ее окружали Хариты.
 Древние знали троих, но если Геро улыбалась,
 Сотня прелестных Харит являлась в смеющемся взгляде.
 Истинно в ней обрела достойную жрицу Киприда.

Так красотой блистала Геро среди женщин-ровесниц,
 Юная жрица Киприды Кипридою новой казалась,
 Юношей пылких сердца своей красотой смущая.
 Всякий бы муж пожелал разделить с нею брачное ложе.
 Если скрывалась она в прекрасно построенном храме,
 Многие взором за ней устремлялись, и мыслью, и сердцем,
 И говорил в восхищенье какой-нибудь юноша пылкий:

«В Спарте не раз я бывал, Лакедемона город я видел,
 Издавна там красотой спорят юные девы и жены.
 Но не видал я нигде такой девушки милой и нежной.
 Уж не одну ль из Харит взяла себе в жрицы Киприда?
 Даже устал я смотреть, но взора не мог я насытить.
 Смерть я согласен принять после ночи, с Геро проведенной;
 Богом бессмертным я быть не хотел бы на высях Олимпа,
 Если бы мог привести в свой дом я ее как супругу.
 Но если жрицы твоей не имею я права касаться,
 Ты мне, Киприда, пошли в супруги подобную деву».
 Так говорили одни. Иных же своей красотой
 Ранила в сердце Геро и даже ввергала в безумье.
 Ты ж, злополучный Леандр, прекрасную деву увидев,
 Сердце свое не хотел терзать напрасною мукой;
 Огненной в сердце стрелой поражен внезапно Эротом,
 Жить не хотел ты вдали от Геро, безмерно прекрасной,
 С каждым взглядом сильнее любовная страсть разгоралась
 Непобедимым огнем в тебе юное сердце пылало.
 Женщина может сразить своей красотой непорочной,
 Сердце больней истерзать, чем раны от стрел оперенных.
 Взор — это путь для любви — от стрелы, что послана взором,
 Рана сильнее болит, и сердце мужское страдает.
 В миг овладели Леандром восторг, и смущенье, и дерзость.
 Сердце его трепетало — стыдливостью робкой охвачен
 Был он сперва, но ее восхищенье и страсть победили,
 Дерзость внушили ему и велели откинуть сомненья.
 Медленно он подошел и стал перед юного девицей,
 Делая вид, что совсем на нее он не смотрит, украдкой
 Молча кивал ей и тем смущал ее девичье сердце.
 Хитрости эти Геро разгадать было вовсе не трудно,
 Радостно было ей знать, что ее красоту он заметил.

Взоры прекрасных очей к земле опуская стыдливо,
 Так же она незаметно и молча кивала Леандру
 И отвернуться спешила. А он в душе веселился,
 Видя, что дева его поняла и любовь не отвергла.
 Так, пока ждал с нетерпеньем Леандр заветного часа,
 Свет увлекла за собой на запад ушедшая Эос,
 Геспер вдали засиял, посылая глубокие тени.
 Тотчас Леандр, осмелев, подойти решился поближе,
 Лишь увидел, что покрылась земля темно-синюю мглой.
 Девичьи пальцы, подобные розам, он сжал потихоньку,
 Вздох испуская глубокий. Она же, как прежде, безмолвно.
 Будто сердясь на него, свою нежную вырвала руку.
 Вспомнил, однако, Леандр, как она ему тайно кивала,
 Смело схватил он ее за хитон, прекрасно расшитый,
 Деву стараясь увлечь во внутрь священного храма.
 Медленным шагом за ним шла, колеблясь, Геро, и казалось,
 Будто она неохотно такие слова проронила,—
 Словно грозила Леандру,— так делают женщины часто:

«Гость, эти шалости брось! Куда ты меня завлекаешь?
 Прочь уходи, злополучный! Хитон отпусти поскорее!
 Кары страшись — ведь отец мой и мать богаты и властны,
 К жрице богини Киприды тебе прикасаться не должно.
 Девственно ложе ее — на него взойти ты не можешь».
 Грозно она говорила, как девушкам всем подобает.
 Девичьи слыша угрозы Геро, подобные стрелам,
 Понял Леандр,— это признак, что девушка просьбам уступит.
 Знай, если грозною речью ответит юноше дева,
 Грозные речи ее возвещают победу Киприды,
 Начал Леандр целовать Геро благовонную шею,
 Страсти стрелой пораженный, он ей нашептывал тихо:

«О Киприда моя, о вторая богиня Афина!
 К женам земным приравнять я тебя никогда б не решился,
 Только лишь дочери Зевса с тобою сравниться достойны.
 Счастлив быть должен отец, тебя на свет породивший,
 Счастлива мать, что тебя когда-то во чреве носила.
 Выслушай, дева, мольбу, над моими страданиями сжался!
 Ты ведь жрица Киприды, познай же Киприды деянья,
 В скрытых священных обрядах постигни брачную тайну.
 Деве совсем не пристало прислужницей быть Афродиты,
 Вовсе не девы Киприде угодны; и если захочешь
 Чары богини постичь и в таинство страсти проникнуть,
 Есть на то ложе и брак; если ж ты считаешь Киприду,
 То возлюби наслажденья и сладкие чары Эротов.
 Спутником быть мне твоим прикажи, а захочешь — супругом.
 Ведь для тебя сам Эрот поймал меня, ранив стрелою.
 Некогда быстрый Гермес, золотой жезлоносец, заставил
 Даже Геракла служить у Ярдановой дочери [3] в рабстве.
 Я же не хитрым Гермесом к тебе, а Кипридою послан.
 Помнишь ли девушку ты из аркадской земли, Аталанту?
 Долго она избегала влюбленного Миланиона,
 Девство желая сберечь,— лишь гнев навлекла Афродиты:
 Прежде отвергнутый, стал для нее он безмерно желанным.
 Ты же послушай меня, не гневи понапрасну богиню!»

Речью такой наконец победил он упрямую деву,
 Душу смутив ей словами, любовь пробуждавшими в сердце.

Взгляд опустила Геро и в землю смотрела безмолвно;
 Алым румянцем стыда залились ее нежные щеки,
 Топала ножкой о землю она и в волненьи стыдливым
 Часто хитон на обоих плечах поправляла руками.
 Все это было предвестьем, что дева уже уступает:
 Девы молчанье сулит наслаждения брачного ложа.
 Сладостно-горькие стрелы любви ей в сердце вонзились,
 В девственном сердце ее разгоралось сладкое пламя,
 Вспыхнув внезапно в лучах красоты молодого Леандра.
 В землю безмолвно она устремляла склоненные взоры;
 Он же смотрел на нее и лицо его страстью пылало,
 В девичью нежную шею свой взгляд он вперял неустанно.
 Вновь обратилась к нему Геро уже с ласковой речью,
 Но со стыда залилась по-прежнему ярким румянцем:

«Речью своей, чужестранец, пожалуй, ты тронешь и камень.
 Кто же тебя научил обольстительной речи лукавой?
 Горе мне, бедной! В родимый мой край кто путь твой направил?
 Речи напрасны твои. Как можешь ты, гость иноземный,
 Здесь никому неизвестный, со мною в любви сочетаться?
 В брак, освященный обрядом, вступить мы с тобою не можем;
 Будет родителям это моим неудобно; а если ты хочешь
 В нашей остаться земле, как пришелец, и быть нашим гостем,
 Скрыть ты не сможешь любовь и украдкой служить Афродите;
 Злы языки у людей: ты молчишь и тайну скрываешь —
 Скоро о тайне своей ты услышишь на всех перекрестках.
 Имя свое мне открой, назови свою землю родную!
 Верно, ты знаешь уже, что Геро — мое славное имя;
 В башне высокой мой дом, восходящей до самого неба,
 Там одиноко живу я с одной лишь моею служанкой,
 Около Сеста, где волны у берега даже глубоки.
 Моря пучина — сосед мой, по воле родителей строгих.
 Нет и подруг у меня; хороводов и плясок веселых
 Юноши там не ведут; и ночью, и днем беспрестанно
 Шуму внимаю я волн, гонимых бушующим ветром».
 Кончив, она опустила на щеки свои покрывало,
 Вновь покраснела, стыдясь, себя за речь осуждая.

Юный Леандр, уязвлен острием любовного жала,
 Здесь лишь помыслил о том, как с Эротом вступить в состязанье;
 Но хитроумный Эрот, мужей поражая стрелою,
 Раны их сам исцеляет. Тому, кто Эроту послушен,
 Сам он приходит на помощь, ему совет подавая;
 Так и Леандру помог он, к Геро всплывшему страстью;
 Речью ее огорчен, лукаво ей юноша молвил:

«Ради любви твоей, дева, и море готов переплыть я,
 Если бы даже оно пылало огнем неприступным,
 Я пред пучиной не дрогну, на ложе к тебе поспешая,
 Не испугает меня своим шумом и рокотом море.
 Волны морские пускай принесут к тебе ночью супруга;
 Буду к тебе приплывать через быстрый поток Геллеспонта —
 Плыть ведь не так далеко с абидосского берега к Сесту.
 Только светильник зажги наверху, на башне высокой,
 Пусть он мой путь озарит во мраке по бурному морю.
 Буду ладьей я Эрота, светильник — звездой путеводной.
 Путь по нему направляя, не стану искать Волопаса,
 Ни Ориона, не стану следить за путем Колесницы,

Только бы пристани милой, отчизны твоей мне достигнуть.
 Но берегись, дорогая, ты ветров дыханья жестоких:
 Если светильник угасят они, я сейчас же погибну.
 Пусть он хранит мою жизнь, как во мраке вождь светоносный.
 Если же хочешь и ты теперь узнать мое имя —
 Я называюсь Леандр, супруг я Геро увенчанной».

Вместе решили они: что втайне в брак они вступят,
 Скроют и ласки ночные, и весть о делах Гименея
 Строго они охранят, лишь светильник свидетелем будет;
 Светоч Геро разожжет, Леандр поплывет через море;
 Брака бессонного бденье они обещали друг другу
 И неохотно расстались теперь, — но пришлось распрощаться.
 В башню Геро удалилась. Леандр, постаравшись запомнить
 Башни ее очертанья, чтоб ночью не сбиться с дороги,
 Вновь возвращаясь домой, отплыл в Абидос многолюдный.
 Жаждали страстно они сокровенного бденья ночного
 И умоляли не раз, чтобы мрак их спальню окутал.

Вот уже сумрак ночной раскинул свой плащ темно-синий,
 Сон и покой всем он людям принес — но не сердцу Леандра.
 Сидя на камнях прибрежных у грозно шумевшего моря,
 Ждал он, когда загорится свидания свадебный вестник.
 Зорко следил он и ждал, что вспыхнет далеко во мраке
 Свет роковой и его призовет на тайное ложе.
 Лишь увидела Геро, что синим сумраком ночи
 День побежден, как светильник зажгла. И лишь только он вспыхнул,
 Тотчас зажег и Эрот любовью сердце Леандра:
 Вместе пылали они. И около бурного моря,
 Слушая грохот валов, о прибрежные бьющихся камни,
 Вздрыгнул сначала Леандр, но с духом собравшись, отважно
 Стал он себя убеждать, ободряя такими словами:
 «Страшен Эрот, а пучина безжалостна; волны ж морские—
 Только вода, а Эрот до костей мое тело сжигает.
 Сердце, пылай же огнем и не бойся морского простора
 В путь поскорее, туда! там любовь! О чем размышляешь?
 Разве не знаешь о том, что Киприда—волн порожденье?
 Ей же подвластны они и подвластны ей наши страданья!»

Сбросил он, это сказав, с прекрасного тела одежду,
 Ловким движеньем свой пеплос вокруг головы завязавши,
 Бросился с берега прямо в объятья соленого моря.
 К свету далекому в мраке спеша неустанно навстречу,
 Был он один и гребцом, и кормчим, и быстрою лодкой.

В башне высокой меж тем Геро охраняла светильник,
 С той стороны, где могло быть гибельным ветра дыханье,
 Легким его прикрывая плащом, пока истомленный
 Юный Леандр не взошел на побережье песчаное Сеста.
 Молча обняв жениха, Геро повела его в башню.
 Тяжко еще он дышал, измученный трудной дорогой,
 Пена морская струилась с кудрей; в свою девичью спальню,
 Ставшую брачным покоем, Геро впустила Леандра,
 Тело его обсушила, из роз благовоньем душистым
 Члены его умастила, чтоб запах развеять соленый,
 И, покраснев, повела утомленного юношу к ложу.
 Нежно его обнимая, любовные речи шептала:

«О, мой жених, претерпел ты, чего никому не случилось,
 О, мой жених, претерпел ты так много!.. Забудь же о море
 И о шумящих волнах пучины рыбообильной,
 И на груди у меня отдохни от усталости тяжелой!»

Так говорила она, и он развязал ее пояс:
 Вместе познали они обряд благосклонной Киприды.
 Брак был свершен, но без плясок, и брачное ложе — без гимнов,
 Геру, помощницу браков, певец своей песней не славил,
 Факелов яркий огонь не сверкал вокруг брачного ложа,
 Некому было кружиться в стремительной пляске веселой,
 Брачной им песни не пели ни милая мать, ни родитель,
 Постлано было для них в тот час, когда браки вершатся,
 Ложе в молчании Ночи, и Тьма проводила невесту.
 И не слышали они гимenea торжественных звуков.
 Ночь освятила их брак и не видела Эос ни разу
 Юного мужа Геро в ее башне на ложе любовном:
 Он под покровом ночным домой в Абидос возвращался,
 Полон желаний любви, еще не насытившись страстью.
 И в своих длинных одеждах, забыв о родительской воле,
 Днем была девой Геро, а ночью — супругой Леандра.
 Оба мечтали весь день, чтоб Эос к закату склонилась.

Так поневоле они, любовь похищая украдкой,
 Тайно, порою ночной познавали радость Киприды.
 Но недолго продлилась их жизнь, и недолго
 Друг с другом вместе они наслаждались своею печальной любовью.
 Скоро дохнула зима леденящим суровым дыханьем,
 С севера с ней принеслись холодных вихрей порывы.
 Бури до самого дна всколыхнули пучину морскую.
 Ветер буруны вздымал, одни на другие толкая,
 Море бичуя жестоко. От грозных ударов спасаясь,
 Вытащить черный корабль на сушу моряк торопился,
 Встречи стремясь избежать с коварною зимней пучиной.

Ты же ничуть не страшился сурового бурного моря,
 Сильный душою Леандр! Ты светильник увидел на башне,
 Знал ты, что он призывает тебя к наслаждениям брачным.
 Свет тот заставил тебя презреть беснованье пучины,
 Злое неверное море. О, лучше б Геро злополучной
 Зимнюю пору прожить в разлуке с Леандром любимым,
 Не зажигая звезды недолго сиявшей над ложем!
 Но повелели и Мойра, и страсть — и горящий светильник
 Ныне уже предвещал не усладу любви, а погибель.
 Ночь наступила, и ветры своим дыханьем холодным,
 Словно копьем, поражали ударами мощными море,
 Грозно ревушей толпой па берег морской налетая.
 Этой порою Леандр, в надежде на радость свиданья,
 Быстро носился по гребням пучины, грозно шумевшей.
 Волны катились на волны, вздымались валы водяные,
 Небо и море смешались, окрестность наполнилась ревом
 Ветров, столкнувшихся в битве: здесь Эвр боролся с Зефиром,
 Нот налетал на Борея,^[4] ему угрожая свирепо.
 Грохот стоял непрерывный над страшно бушующим морем.

Многострадальный Леандр, носясь в непокорной пучине,
 То обращался с мольбой к Афродите, морем рожденной,
 То призывал Посейдона, царя и владыку морского,

То он Борей молил о нимфе из Аттики [5] вспомнить,
Были напрасны мольбы: Эрот над Мойрой не властен!
Волны, кругом громоздясь и бушуя, бросали и били
Тело Леандра. И сила в ногах у него иссякала,
И ослабели его утомленья не знавшие руки.
Волны сомкнулись над ним — и потоком влаги соленой,
Хлынувшей в горло его, захлебнулся Леандр злополучный.
Вихря порыв в этот миг загасил светильник неверный,
С ним же угасли и жизнь, и любовь страдальца Леандра.

Ночь, пока буря ревела. Геро простояла на башне;
Глаз не смыкая, терзалась она тревогой и скорбью.
Светлая Эос вошла, но супруга Геро не узрела.
Взором блуждала она по широкой моря равнине,
Видеть Леандра надеясь — быть может, он сбился с дороги
После того, как светильник погас. И у башни подножья
Тело супруга узрела, волнами прибитое к скалам.
Свой драгоценный хитон она на груди растерзала,
С башни высокой стремглав бросилась в бурные волны.
Так погибла Геро возле мертвого тела супруга,
Даже в погибели миг друг с другом они не расстались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абидос – город в Троаде, на берегу Геллеспонта, где родился и жил Леандр. Сест – город на противоположном берегу пролива, где жила Геро.
2. Т.е. Зевс: согласно поздним представлениям греков, боги жили в эфире.
3. В наказание за убийство Ифита Геракл был отдан на три года в рабство к лидийской царице Омфале, дочери Иардана.
4. Зефир – западный ветер, олицетворение теплого ветра, приносящего дожди. Эвр – юго-восточный ветер. Нот – южный ветер, приносивший грекам туманы и дожди.
5. Афинская царевна Орифея, которую унес и сделал своей женой Борей.